

К ИЗУЧЕНИЮ ЯРЛЫКА МЕНГУ-ТИМУРА И ОЦЕНКЕ ЕГО ВЛИЯНИЯ НА РУССКИЕ ВЕЛИКОКНЯЖЕСКИЕ АКТЫ

Среди корпуса источников по русской истории XIII—XIV в. особое место занимают ярлыки, выданные ханами Золотой Орды русскому духовенству и митрополитам. Дошедшие до нас документы являются не подлинниками, написанными, по-видимому, уйгурским письмом, а древнерусскими переводами ханских жалованных грамот. Первоначально подлинные тексты хранились в митрополичьем архиве, а в конце XIV — начале XV в. был сделан перевод шести ярлыков на русский язык. Эти переводы одной проезжей и пяти иммунитетных грамот составили так называемое краткое собрание ярлыков. Значение ярлыков как исторических источников было оценено еще историографами XVIII в., однако и в наше время продолжается изучение немногочисленных сохранившихся ханских грамот.

Среди указанных источников самым ранним является именно ярлык хана Менгу-Тимура (1266—1280). В тексте документа упомянут безымянный получатель, но в историографии считается, что таковым, по всей вероятности, являлся митрополит Кирилл, который первым возглавил русскую церковь после установления власти монгольских ханов. Данный ярлык датирован «заечьего лета осеннего первого месяца в четвертый ветха»¹. По монгольскому календарю, «заячье лето» приходится в правление Менгу-Тимура на 1267 и 1279 г. европейского летоисчисления. Первые исследователи ярлыков В. В. Григорьев и М. Д. Приселков склонились к первой дате, считая основанием для выдачи ярлыка вступление на престол Менгу-Тимура [Григорьев, 1842, с. 85, 93; Приселков, с. 85]. Датировку ярлыка 1279 г. предпочел П. П. Соколов, связывая его появление со второй, известной из летописей, монгольской переписью населения Северо-Восточной Руси в 1273 г. Он же первым отметил, но без детального обоснования, что сохранившийся ярлык является вторым по счету пожалованием Менгу-Тимура и дан как разъяснение предшествующего [Соколов, с. 188—189]. Попытки выделить отдельные части в ярлыке Менгу-Тимура и таким образом определить предшествующие правовые основы пожалований предпринимали и современные исследователи [Плигузов, Хорошкевич, с. 88—89].

Действительно, анализ внутренней структуры ярлыка позволяет увидеть многослойность дошедшего до нас документа, обнаружить в содержании указания на обстоятельства его появления, позволяющие также уточнить датировку. В заключительной части ярлыка присутствует фраза: «А попове от нас пожаловани по первой грамоте, бога молящи и благословляюще нас стоите»². Эти слова никак не могут быть отнесены к ярлыкам предшественников Менгу-Тимура или Чингиз-хана, о которых по традиции было принято упоминать в начале ярлыков. Напрашивается вывод, сформулированный в свое время П. П. Соколовым, что здесь речь идет о раннем ярлыке того же Менгу-Тимура — «первой грамоте», выданной от «нас», то есть от того же хана.

Против такой позиции выступил петербургский ученый Р. Ю. Почекаев: «исследователи не учли тот факт, что этот ярлык многократно редактировался и вошел в Собрание (краткую редакцию) как третий документ. И “первая грамота”, в таком случае — не что иное, как ярлык “Туляка”, т. е. Мухаммада-Булака, выданный в 1379 г., но в Собрании расположенный первым (либо же ярлык Узбека, датируемый 1313 г. и стоящий первым в пространной редакции Собрания). Соответственно, нет оснований считать, что Менгу-Тимур выдал два ярлыка, тем более что в течение всего его правления во главе русской церкви стоял один и тот же иерарх — Кирилл (ум. 1280)» [Почекаев, с. 159].

¹ Памятники русского права (далее — ПРП). М., 1955. Вып. 3. С. 468.

² Там же. С. 467.

Высказанное Р. Ю. Почекаевым суждение нельзя признать истинным, поскольку оно базируется на логически ошибочном постулате. Никакие редакторские манипуляции составителей коллекции ярлыков не могут являться основанием для вывода о выдаче или невыдаче ярлыков, таким основанием могут быть только исторические факты или доказательства, полученные в ходе анализа источников, аутентичных эпохе или восходящих к ним. Но уважаемый оппонент не анализирует текст ярлыка, не доказывает неправоту аргументов противоположной стороны и не приводит никакой дополнительной исторической информации, восходящей к XIII в. Он считает, что расположение ярлыков в Краткой коллекции (кстати, при чем здесь Пространная коллекция, возникшая в XVI в., совсем уж непонятно), восходящее к XV в., может служить доказательством неосуществления действий в XIII в. Принять такой вывод невозможно.

Единственное рациональное объяснение выдвинутого Р. Ю. Почекаевым тезиса, вытекающее и из указания на редактирование ярлыков, заключается в фальсификации изучаемого документа, если не в целом, то хотя бы в той его части, которую используют его оппоненты. Против признания фальсификации целиком свидетельствует использование самим же Р. Ю. Почекаевым других частей текста ярлыка Менгу-Тимура [Почекаев, с. 158], а также давняя история изучения ярлыков, в ходе которой подавляющее большинство исследователей такого вывода не формулировали, несмотря на критику документа и попытки выяснения его подлинного текста. Остается второй вариант — фальсификация части текста, в которой говорится о «первой грамоте». Но в этом случае необходимо представить хоть какие-то доказательства этого и ответить на неизбежно возникающие в таковой ситуации вопросы. Например, почему составитель и редактор Краткой коллекции ярлыков именно так изложил рассматриваемый пункт ярлыка Менгу-Тимура: «А попове от нас пожаловании по пръвои грамоте, бога молящи и благословляюще нас стоите»? Какие цели он преследовал? По своей стилистике и лингвистической форме данная часть текста ничем не отличается от других, не очень удачно переведенных, частей ярлыка. Наверное, можно попытаться сослаться на невежество составителя Краткой коллекции ярлыков, незнакомого с историей ханов Золотой Орды, но этому противоречит упоминание в ее Заключении завоевателя Руси Бату-хана и его прозвища Саин-хан. Эти сведения, кстати, ничем не смущаясь, использует и сам уважаемый оппонент [Почекаев, с. 158].

Обратим внимание также на заявление о многократном редактировании ярлыка, вошедшего в Краткую коллекцию ярлыков, что является еще одним ошибочным суждением Р. Ю. Почекаева. Такое утверждение, имеющее серьезное историко-источниковедческое значение, также должно быть обстоятельно доказано. Даже самый ярый апологет недостоверности ярлыка хана Менгу-Тимура А. П. Григорьев реально ведет речь о редактировании данного документа только в связи с его переводом на русский язык. Заметно большей обработке подвергались преимущественно поздние тексты ярлыков в составе летописей и книжных сборников, но их-то исследователи, как правило, не используют.

Не понятен тезис о том, что митрополит Кирилл не мог получить два ярлыка. А что запрещало ему это сделать — Великая яса или православные каноны? Но в них нет таких положений. Если у Р. Ю. Почекаева имеются какие-то иные объективные аргументы, возможно, в виде регламента ханской канцелярии, предлагаем таковые обнародовать, чтобы можно было их изучить. Напротив, историческая ситуация как раз способствовала рассматриваемым действиям митрополита. Оппонент не учитывает, что в период управления митрополита Кирилла монгольские власти провели две переписи населения, послужившие основой для регулярного налогообложения русских княжеств. Все это с неизбежностью серьезно отражалось на положении русской духовной организации и создавало у высшего духовенства массу проблем. В итоге еще раз констатируем, что принимать вышерассмотренные суждения и оценки Р. Ю. Почекаева как обоснованные и истинные нельзя.

Автор данных строк поддерживает оригинальную и глубокую по содержанию гипотезу П. П. Соколова. Историк XIX в. не имел тех возможностей, что открываются перед современными исследователями, поэтому попробуем, опираясь на достижения источниковедения, найти дополнительные аргументы в пользу его выводов.

Сложившиеся в Золотоордынском государстве политические и административные отношения определили практику выдачи ярлыков, символизирующую верховный сюзеренитет монгольских властителей. Хан выдавал эти жалованные грамоты, как правило, после своего восхождения на престол, а также в случае смены получателя грамоты, когда требовалось подтверждение прежнего пожалования. Но это в большей степени относится к ярлыкам, выдаваемым представителям светской власти, имевшим инвеститурный характер (утверждение вассала). Ярлыки, получаемые митрополитами, имели ярко выраженный тарханный (охранительный) смысл, поэтому они могли выдаваться по необходимости.

Должно полагать, что утверждения П. П. Соколова о втором ярлыке хана Менгу-Тимура соответствуют действительности. В этом случае, если придерживаться датировки, принятой В. В. Григорьевым и М. Д. Приселковым, обращает на себя внимание редкая активность золотоордынского правителя. По версии этих историков, сохранившийся ярлык, а ведь он, по всей видимости, был вторым, был выдан в 1267 г., тогда первый, скорее всего, — в 1266 г. Получается в весьма короткий период два ярлыка, что в практическом плане представляется маловероятным. Едва ли могла возникнуть потребность в столь короткий срок во втором ярлыке, да и получить его по финансовым, военно-политическим, географическим и другим причинам было достаточно сложно. Напрашивается вывод, что второй ярлык был выдан «заячьего лета», которое приходится на 1279 г.

С чем это могло быть связано? Как уже отмечалось, до того на Руси монгольскими завоевателями была проведена новая перепись населения. В Новгородской четвертой летописи о ней под 1273 г. кратко сообщается: «Бысть число 2-е изъ орды отъ царя»³. В Никоновской летописи, но уже под 1275 г. читаем: «Того же лета бысть на Руси и въ Новегороде число второе изъ Орды отъ царя, и изочтоша вся точию кроме священников, и иноковъ и всего церковнаго причта»⁴. Хронологическая коллизия в данном случае разрешается в пользу более ранней Новгородской четвертой летописи. Акция 1273 г. была следствием обретения Золотой Ордой независимости от общемонгольского имперского центра. По общему счету она являлась третьей переписью населения русских земель, а для каждой из северо-восточных, южных и юго-западных территорий Руси — второй. Очевидно, что золотоордынские власти в условиях начавшегося в 60-х годах XIII в. политического распада Монгольской империи предприняли шаги с целью перераспределения финансовых и материальных ресурсов, получаемых с покоренных земель, в свою пользу, систематизируя налогообложение и проводя строгий учет податного населения.

Связь ярлыка Менгу-Тимура с переписью 1273 г. отмечал в свое время П. П. Соколов. Он считал, что документ «представляет по своему содержанию инструкцию хана темъ баскакамъ нашимъ и княжимъ писцамъ, о которыхъ говорится въ немъ, и былъ вызванъ, какъ совершенно ясно изъ заключения, злоупотреблениями этихъ писцовъ» [Соколов, с. 189]. Наблюдение историка XIX в. вполне справедливо и хорошо согласуется с современными результатами исследований. Усилиями ряда историков в последней трети XIII в. выявлены явные изменения в золотоордынской политике, которые серьезно затронули русские земли. В 70–80-х годах XIII в. начинаются постоянные усобицы князей и «нахождения» монголов, приведшие к разорению экономики русских княжеств, в том числе и церковно-монастырского хозяйства.

³ ПСРЛ. Пг., 1915. Т. 4. Вып. 1. С. 243; см. также: Тихомиров М. Н. Забытые и неизвестные произведения русской письменности // АЕ за 1960 г. М., 1962. С. 239.

⁴ ПСРЛ. М., 2000. Т. 10. С. 152.

Походы с прохождением через русскую территорию имели место в 1274, 1275, 1277, 1280, 1285, 1286, 1287 г. [Каргалов, с. 168–169; Егоров, с. 190–192]. Акции золотоордынских ханов 70–80-х годов, повторявшиеся почти ежегодно, не только производили значительные опустошения, но и создавали на Руси, особенно в Южной и Юго-Западной, атмосферу постоянной военной опасности и тревоги. Они вносили хаос в экономическую и социально-политическую жизнь русских княжеств. Поскольку митрополит Кирилл после 1274 г. если не постоянно, то длительными периодами проживал в Киеве [Голубинский, с. 58; Рыбинский, с. 7], имущество возглавляемой им кафедры не могло не страдать от произвола и грабежей. Поэтому и появился еще один ярлык 1279 г., в котором тарханские льготы уточнялись, с грозным предупреждением хана: «Сию грамоту видяще и слышаще от попов и от черныцов ни дани ни иного чего ни хотять ни възмутъ баскаци, княжи писци, поплужники, таможници, а възмутъ ине по велицей язе извиняться и умруть»⁵.

Однако в современной историографии не во всех работах историков оценивается и используется ярлык Менгу-Тимура как важный источник. Наиболее радикально против достоверности сохранившегося перевода данного ярлыка выступил еще один петербургский историк А. П. Григорьев. В 1990 г. появилась его статья [Григорьев, 1990], посвященная реконструкции первоначального содержания документа, сразу же вызвавшая критические замечания со стороны А. И. Плигузова и А. Л. Хорошкевич. Последние так характеризовали построения А. П. Григорьева: «Обнаружив общие или сходные постановления ярлыка 1267 г. с договорной грамотой Василия I и Киприана 1404 г., он сделал вывод о зависимости ярлыка Менгу-Тимура от договорной. Методически неверным представляется не само сопоставление договорной Василия I и Киприана с указной Менгу-Тимура и даже не сопоставление их в обратном хронологическом порядке, сделанное исходя из априорного положения о более позднем документе как образце для более раннего, но отказ от изучения внутренней структуры каждого документа, с одной стороны, и абстрагирование от реальных исторических условий — с другой» [Плигузов, Хорошкевич, с. 89]. В опубликованной затем А. П. Григорьевым монографии [Григорьев, 2004, с. 7–44] отмеченные недостатки не были преодолены, поэтому с приведенным мнением известных ученых можно согласиться. От себя добавим, что не очень убедительно выглядит и методология решения поставленных задач, в свою очередь также вызывающих вопросы с точки зрения научной обоснованности. Неоднократно применяемые автором в процессе доказательства реставрационно-манипуляционные приемы не могут устроить не только опытного специалиста-исследователя, но даже взыскательного читателя. Например, завуалированные ссылки на свои же работы, результаты которых оспариваются другими исследователями, служат формально-логическим основанием для постулирования следующих выводов, при этом критические положения и аргументы оппонентов не разбираются [Григорьев, 2004, с. 22–23, 28–29]. Не используются в рассматриваемой «реконструкции» ярлыка Менгу-Тимура и труды ряда известных специалистов, давно ставшие своеобразной «классикой». Представляется, что нельзя игнорировать позиции, например, Н. Н. Поппе и М. А. Усманова, использовавших дошедший до нас текст ярлыка Менгу-Тимура хотя и критически, но в целом как вполне достоверный документ [Поппе, с. 103–106, 114; Усманов, с. 230, 243].

В ограниченных рамках данной публикации нет возможности разобрать все построения А. П. Григорьева, но один момент затронуть необходимо. Автор в своих доказательствах неправомерно абсолютизирует (реально не обнаруженный) делопроизводственный формуляр ханских грамот. Рассматривая содержание ярлыка Менгу-Тимура, он пишет: «Ориентиром в этом невероятно громоздком и труднопонимаемом словосочетании может служить только абстрактный формуляр золотоордынских ярлыков...» [Григорьев, 2004, с. 31]. Как следствие, в

⁵ ПРП. Вып. 3. С. 468.

его исследовании происходит логическая инверсия, и формуляр из инструмента, фиксирующего реальные исторические отношения, превращается в главный определяющий их фактор. В итоге из текста ценнейшего источника отбрасываются множество положений, объявляемых позднейшими интерполяциями. Такие результаты с позиций классического исторического источниковедения едва ли могут быть признаны обоснованными.

В противоположность версии А. П. Григорьева ряд исторических источников прямо свидетельствует, что налоговые правоотношения, установленные монгольскими завоевателями, имели особую составляющую, направленную на борьбу с уклонением от налогов. Эти отношения реально существовали до XV в. и не являлись результатом какой-либо поздней редакционной деятельности.

Летописи сообщают, что в ходе проводившихся на Руси монголами даннических акций и переписей 1246, 1257, 1273 г. белые священники и монахи не включались в податные списки (дефтери), что освобождало их от налогов и повинностей⁶. Вместе с ними льготы получали и некоторые категории церковных людей, так называемый причт. Но кто относился к причту? По каким критериям? Канонические правила, изложенные в уставе князя Владимира, определявшие состав «церковных людей»⁷, видимо, не были для монгольских властей достаточным и серьезным основанием для определения тарханного причта. Кроме того, практика жизни вносила существенные коррективы в применение установлений жалованных грамот ханов, открывая возможность уклониться от налогов путем причисления некоторых лиц к этой привилегированной категории населения. Такая ситуация на основе местных конфессиональных особенностей складывалась во многих покоренных монголами землях и представляла серьезную проблему, которую монгольские власти пытались преодолеть, принимая специальные административно-правовые решения.

Уже в первом дошедшем до наших дней указе Чингиз-хана, освобождавшем от налогов и повинностей последователей даосского проповедника Чан-чуня, выданном в 3-ю луну года гуй-вэй (3 апреля — 1 мая 1223 г.), предусматривалась санкция против тех, «кто будет, ложно называя себя монахом, под незаконным предлогом, отказываться от повинностей», на провинившихся предписывалось доносить властям и наказывать их «по усмотрению» [Палладий, 1866, с. 375]. В Китае, например, по свидетельству очевидца и автора надгробной надписи Сун Цзы-чжэня, в 1237 г. по ходатайству Елюй Чу-цая были проведены экзамены среди буддийских монахов, конфуцианцев и даосов для исключения из их числа мнимых служителей культов, уклоняющихся от налогов и повинностей [Мункуев, с. 54].

В Монгольской империи положение религиозного деятеля было существенно легче, чем других категорий населения, что и порождало уклонение от налогов. Католический посланник и монах-миссионер Гийом Рубрук (Вилем Рейсбрук) в своем отчете о путешествии в 1254 г. в столицу Монгольской империи г. Каракорум сообщал о несторианском монахе, находившемся в ставке Мунке-каана, который на своей родине в Армении, до того как попал к монголам, был ткачом. Пользуясь его помощью в незнакомом сообществе, Г. Рубрук подробно описывает их взаимоотношения, отмечая при этом неосведомленность и невежественность лжемонаха во многих религиозных вопросах, но значительно лучшее положение по сравнению с другими пленниками⁸.

В 1264 г. в докладе чиновника по религиозным вопросам на имя каана Хубилая указывалось, что в эпоху Чингиз-хана и Угэдэя буддийские монахи, даосы, христиане и мусульмане — служители культа обязаны были платить поземельный и торговый налоги, как только они начинали заниматься земледелием или торговлей, и освобождались от других налогов. Но со времени каана Гуюка (1246—1248) и до «настоящего времени» (то есть до 1264 г.) они не платили никаких налогов. На

⁶ ПСРА. М., 1997. Т. 1. Стб. 474—475; ПСРА. М., 2000. Т. 15. Стб. 32.

⁷ Шапов Я. Н. Древнерусские княжеские уставы. М., 1976. С. 33.

⁸ Путешествия в Восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 152.

основании этого доклада Хубилай приказал, чтобы в соответствии с положением, установленным Чингиз-ханом, буддийские монахи, даосы, христиане, мусульмане и конфуцианцы платили земельный налог или торговый [Мункуев, с. 54]. Рассматриваемая проблема нашла отражение и в уйгурских документах. В жалованном ярлыке Муртулукскому монастырю в Уйгурии говорится: «Живущие в городе и в народе пусть не причисляются к братству» [Тихонов, с. 259].

Архимандрит Палладий на основе истории Юаньской династии (Юань-ши) по этому поводу сообщил: «Можно думать, что льготные грамоты были истолковываемы предьявителями их в обширном смысле, как преимущества, освобождающие их от исполнения всех обязанностей туземцев (то есть китайцев. — Ю. С.). Духовные лица христианского и магометанского исповеданий, начали переселяться в Китай с семействами, занимались здесь земледелием, торговлею и промыслами и на основании общих прав, дарованных грамотами, не хотели подчиняться установленным правилам. Кроме того, единоверцы тех и других, не принадлежащие к духовному званию, под покровом религиозного наименования, также старались уклониться от требований принятых в стране законов, вследствие того, неоднократно издаваемы были указы, обязывавшие духовных людей ко внесению обычных податей и пошлин, если они не занимались исключительно делом своего призвания. Духовным лицам предписано было непременно принимать посвящение, по их вере, а домочадцы их, не вступавшие в духовное звание, включены были в народную перепись» [Палладий, 1877, с. 31–32].

Привлекать сведения о других странах, находившихся под монгольским владычеством, для разрешения спорных вопросов русской истории периода иноземного господства вполне правомерно, поскольку переписи были подготовлены по китайскому образцу и проводились во всех землях империи в едином формате. Религиозная политика монгольских правителей также была достаточно традиционна и, как следует из самих ярлыков, основывалась на общеимперских принципах, заложенных еще Чингиз-ханом.

Отмеченная ситуация использования льгот православному духовенству для избавления от монгольских налогов и повинностей близких к нему лиц, по всей видимости, должна была проявляться и в русских землях. Ее, опираясь на положения грамоты Менгу-Тимура, убедительно описывала А. Л. Хорошкевич, объясняя сведения берестяных грамот № 215 и 218 [Хорошкевич, с. 70–72]. В ярлыке этого золотоордынского хана тоже отразилась проблема определения круга лиц, относящихся к духовенству и, соответственно, наделенных налоговыми льготами: «Попове един хлеб ядуще и во едином дому живуще, у кого брат или сын, и тем по тому же пути пожалование (то есть освобождение от налогов. — Ю. С.), ажь будуть от них не выступились. Будет же ли, от них выступились дань или ино что, — ино им дати»⁹. Однако А. П. Григорьев этот элемент ярлыка, фиксирующий разграничение поповской семьи, априори рассматривает как позднюю вставку редактора, производную от сходных положений Уставной грамоты великого князя Василия Дмитриевича и митрополита Киприана (1404 г.).

Чтобы разобраться, нужно понять цель рассматриваемого предписания. Данное правило направлено на более четкое разграничение юрисдикции и податного статуса приближенных к православному духовенству категорий населения. Члены семьи священников, живущие единым хозяйством, очевидно, подлежали церковной юрисдикции и относились к привилегированной категории, не платившей подати и не выполнявшей повинности. В случае, когда аналогичные родственники священников вели свое отдельное хозяйство, они подлежали княжеской юрисдикции, как и другие миряне, и должны были платить подати и выполнять повинности, установленные монгольскими властями.

Принимая версию А. П. Григорьева, мы встаем перед вопросом, на который он, кстати, не отвечает: зачем было нужно представителям церкви в начале XV в. вписывать такое предписание

⁹ ПРП. Вып. 3. С. 467.

в текст ярлыка? В реальности это могло иметь очень мало практических последствий, поскольку к тому времени серьезно изменилась политическая обстановка и ярлыки уже в значительной степени утратили свое охранительное значение. Кроме того, после трансформации в первой четверти XIV в. системы взимания дани с русских земель главным ее сборщиком становятся великие князья, а не представители золотоордынских властителей. Поэтому фальсифицированное положение ярлыка о разграничении членов семьи священников не могло иметь юридического значения, а только морально-назидательное. Однако в этот период установления враждебных ханов, к тому же теряющих власть и авторитет, для русских князей были гораздо менее убедительны, нежели христианские каноны, о которых они знали с детства. Но, как известно из многочисленных источников, даже христианские каноны не спасали церковное имущество от захвата со стороны князей и бояр. Реальная власть князей над церковью возникла не в монгольский период, а задолго до него, и именно от них теперь зависело решение вопроса о привлечении духовенства к выплате дани.

Отмеченные проблемы плохо изучены и по сей день. Серьезно влияет на это недостаток источников, а также сохраняющийся в отечественной историографии остаточный эффект советской атеистической парадигмы. Последней свойственно активное развитие постулируемого вывода, совсем не вытекающего из реального анализа источников, о предательской роли русской церкви в период монгольского господства, которая с помощью ханов усилилась и обогатилась в противовес княжеской власти.

Недостаток информации об установленных завоевателями даннических и податных отношениях на Руси можно компенсировать, привлекая указы монгольских императоров, правивших в Китае. Ценные сведения дает указ императора Хубилая об определении различных категорий налогоплательщиков, изданный в 3-ю луну 8-го года правления Чжи-юань (11 апреля — 10 мая 1271 г.). Этот документ, содержащий ссылку на предшествующий указ императора Угэдэя, показывает особенности проведения переписи населения в 1235—1236 г. и налоговых реформ 1236 и 1271 г. на завоеванных китайских территориях. Важно отметить, что в ходе этих мероприятий рабы, живущие в семье своего хозяина, записывались в списках вместе с хозяином, признавались собственностью хозяина и не входили в число податных государства, а если они проживали вне дома хозяина, они регистрировались отдельно от хозяина и становились податными государства [Мункуев, с. 51—52].

Здесь зафиксирован традиционный принцип, последовательно применяемый монгольскими властями для отделения различных категорий налогоплательщиков и определения их обязанностей, возможно, заимствованный из Китая.

Соотнесение этой информации с извлекаемой из ярлыка Менгу-Тимура убедительно свидетельствует в пользу подлинности перевода данного документа, в том числе и пункта о разграничении поповской семьи. А это, в свою очередь, означает, что монгольские власти на Руси проводили переписи аналогично тому, как это делалось в Китае.

Далее в тексте ярлыка следует упоминание об уже отмеченной выше «первой грамоте». Представляется, что в рассматриваемом контексте упоминание предшествующей грамоты в конце дошедшего до нас перевода свидетельствует в пользу его оценки как второго варианта ярлыка.

Имеется и еще одно интересное разъяснение: «Аж кто не поп будеть, иные люди, иметь к себе примати, хотя богови молитись, что в том будеть»¹⁰. Место это не очень ясное, что и вызвало различные толкования исследователей. По всей вероятности, неясности текста здесь связаны с некачественным переводом сложной лексической конструкции. Осмелимся высказать предположение об истинном смысле переводимой фразы. Сделать это позволяет

¹⁰ Там же. С. 468.

высококвалифицированный перевод указов монгольских императоров, правивших в XIII в. в Китае, осуществленный Н. Н. Поппе. обстоятельные комментарии фонетических и семантических сложностей процесса перевода, оставленные специалистом, очень важны для понимания истинного смысла первоначального текста. По аналогии с императорскими указами можно предположить, что не до конца понятный пункт в ярлыке Менгу-Тимура содержит «предостережение» нарушителям его положений и общий смысл его примерно такой: «Пусть не принимают не поповичей и иных людей, желающих молиться богу, ссылаясь на обладание грамотой. Разве они (нарушители) не убоятся, когда будут совершать незаконные действия». Неясности перевода привели к разным выводам историков. Например, П. П. Соколов считал, что речь идет о запрете митрополиту принимать в состав церковных людей новых лиц, а М. Д. Приселков, наоборот, видел в этом разрешение на такие действия [Соколов, с. 188; Приселков, с. 85].

В свете изложенного представляется несомненной взаимосвязь отмеченных элементов ярлыка Менгу-Тимура с обстоятельствами назначения на Руси в 1273 г. очередной переписи. Сравнение ярлыка с Уставной грамотой великого князя Василия Дмитриевича и митрополита Киприана (1404 г.) также позволяет говорить о первичности установлений ханского документа и высказаться в пользу мнения П. П. Соколова. В последнем пункте Уставной грамоты под влиянием отношений, закрепленных в свое время монголами, митрополиту запрещалось ставить в попы и диаконы слуг и даточных людей великого князя. К такому выводу также подводит уточнение в этом же пункте грамоты, очень напоминающее соответствующее место в ярлыке Менгу-Тимура: «А который попович хотя будет писан в мою службу, а въсхочет стати в попы или в диаконы, ино ему волно стати. А попович, которыйи живет у отца, а хлеб есть отцов, ино той митрополч. А которыйи попович отделен и живет оприч отца, а хлеб ест свои, а той, князя великого»¹¹. Установление монгольских властей в XIII в., направленное на разграничение налогоплательщиков, явилось правовым прецедентом для русских князей и сохраняло свое действие в XIV–XV в. Об этом же свидетельствует отсылка в Уставной грамоте к традициям времен митрополитов Феогноста и Алексия при определении финансовых обязательств митрополита, исполняемых в случае выплаты ордынского выхода. Монгольский прецедент, разумеется, мимикрировав под русскую правовую норму, сохранял свое действие до XVII в. Он фиксируется в «Царской тарханной грамоте нижегородским Преображенскому и Архангельскому соборам» от 19 августа 1606 г., выданной царем Василием Шуйским¹².

В комплексе с изучаемыми вопросами чрезвычайно интересен еще один пункт Уставной грамоты: «А митрополчим людем церковным тамги не давати как было и при Алексее митрополите: кто продаст свое домашнее, тот тамги не даст; а которыйи имет прикупом которым торговати, а тот тамгу даст»¹³. Здесь усматриваются явные аналогии с тарханскими льготами религиозных деятелей в Китае, установленными указом Хубилая 1264 г.

В заключение констатируем, что существовало два ярлыка хана Менгу-Тимура, врученных представителям русской церкви в период управления митрополита Кирилла. Первый был пожалован золотоордынским властителем в 1266 г., вскоре после своего восхождения на золотоордынский престол. До нас дошел перевод второй грамоты, который следует датировать 1279 г. Ее содержание имеет уточнения и дополнения к первому ярлыку, связанные с переписью 1273 г. и отмеченной выше проблемой определения круга лиц, принадлежащих к тарханским категориям населения. Обнаруженная зависимость Уставной грамоты великого князя Василия Дмитриевича и митрополита Киприана (1404 г.) от ярлыка Менгу-Тимура

¹¹ Там же. С. 423.

¹² Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841. Т. II. С. 86–88, № 69.

¹³ ПРП. Вып. 3. С. 422.

указывает на преемственность налоговой системы Руси XV–XVI в. и некоторых принципов ее функционирования от золотоордынского государства.

Литература

- Голубинский Е. Е. История русской церкви. М., 1904. Репринт. М., 1997. Т. 2. Период второй, московский. Перв. пол. тома.
- Григорьев А. П. Ярлык Менгу-Тимура: реконструкция содержания // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Л., 1990. Вып. XII. С. 53–102.
- Григорьев А. П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. Источниковедческий анализ золотоордынских документов. СПб., 2004.
- Григорьев В. В. О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству. М., 1842.
- Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985.
- Каргалов В. В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. Феодальная Русь и кочевники М., 1967.
- Мункуев Н. Ц. Китайский источник о первых монгольских ханах. Надгробная надпись на могиле Елюй Чу-Цая. Перевод и исследование. М., 1965.
- Палладий. Си ю цзи или описание путешествия на Запад // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. СПб., 1866. Т. 4. С. 1–434.
- Палладий. Старинные следы христианства в Китае, по китайским источникам // Восточный сборник. СПб., 1877. Т. 1. С. 1–64.
- Плигузов А. И., Хорошкевич А. Л. Русская церковь и антиордынская борьба в XIII–XV вв. (по материалам краткого собрания ханских ярлыков русским митрополитам) // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990. С. 84–102.
- Поппе Н. Н. Квадратная письменность. М.; Л., 1941.
- Почекаев Р. Ю. Ярлыки ханов Золотой Орды русской церкви: к вопросу о хронологии и количестве // Научный Татарстан. 2010. № 2. С. 156–168.
- Приселков М. Д. Ханские ярлыки русским митрополитам. Пг., 1916.
- Рыбинский В. Киевская митрополичья кафедра с половины XIII до конца XVI века. Киев, 1891.
- Соколов П. П. Русский архиерей из Византии и право его назначения. Киев, 1913.
- Тихонов Д. И. Хозяйство и общественный строй уйгурского государства. X–XIV вв. М.; Л., 1966.
- Усманов М. А. Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XV вв. Казань, 1979.
- Хорошкевич А. Л. Монголы и Новгород в 50-е годы XIII в. (по данным берестяных грамот № 215 и 218) // История и культура древнерусского города. М., 1989. С. 69–73.